

ВОСТОЧНАЯ ТОРЕВТИКА ПРИКАМЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРАЗИИ

Чичко Т.В.

ФГБОУ ВПО Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (453103, г.Стерлитамак, пр. Ленина, 49), e-mail: karaman74@mail.ru

В данном исследовании на основе изучения восточной тореvтики (восточные сосуды, металлические украшения костюма) раскрываются вопросы культурных и военно-политических контактов населения Прикамско-Приуральского региона со странами Востока в эпоху раннего средневековья. Морфологический облик материальной культуры населения Южного Приуралья и Прикамья во второй половине I тыс. н.э. в значительной степени формировался за счет массового поступления в регион предметов восточного импорта, исходные территории которого находились далеко за пределами региона, и их география менялась в зависимости от этнополитической ситуации в Евразийской степи. Интенсивность поступления импортных изделий в регион и их ассортимент регулировались военно-политической обстановкой на юге Евразии, в государствах, расположенных на трассе Великого шёлкового пути, и у кочевников Великого пояса евразийских степей.

Ключевые слова: археология, тореvтика, Сасанидский Иран, Средняя Азия, Византия, кушнаренковская культура, караякуповская культура, ломоватовская культура, неволинская культура, джетыясарская культура, турки, эфталиты, угры.

EASTERN TOUREUTICS OF TRANS KAMA AND SOUTHERN URALS AS A SOURCE OF MILITARY AND POLITICAL HISTORY OF EARLY MIDDLE AGES.

Chichko T.V.

Federal States Budget Educational Institution of Higher Professional Organization Sterlitamak Branch of Bashkir State University, (453103 Sterlitamak, Lenin Avenue, 49).

On the Base of Eastern toreutics (Eastern vessels, metallic costume decorations) aspects of cultural and military and political contacts of Trans Kama – Trans Ural region population with the countries of East during the epoch of early Middle Ages are revealed in this research. Morphological characteristics of material culture of the Southern Trans Urals and Trans Kama population in the second half of the 1-st century AD was greatly formed thanks to mass coming the things of Eastern import into the region. The outgoing territories were rather far from the region and their geography changed depending of the ethnopolitical situation in Euro-Asian steppe. The intensity coming import things into the region and their assortment was regulated by military and political situation on the Euro-Asian south, in the states, located along the Great Silken Way, and nomads of Great Belt in Euro-Asian steppe.

Keywords: archaeology, toreutics, Sassanian Iran, Central Asia, Byzantium, Kushnarenkovsk culture, Karayakupovsk culture, Lomovatovsk culture, Nevolinsk culture, Getiasarsk culture, turks, ephalits, ugra.

Период VI – первой половины IX вв. является «темным периодом» в истории прикамско-приуральского региона. Его характерной особенностью является то, что он не освещен в письменных источниках, поэтому реконструкция исторических событий региона в указанный хронологический промежуток времени является результатом изучения различных категорий археологических источников. Одной из таких категорий на сегодняшний день можно считать восточную тореvтику, изучение которой позволяет реконструировать разноплановые контакты средневекового населения прикамско-приуральского региона, и степень его вовлеченности в культурно-исторические связи цивилизованного мира.

Восточная торовтика является частью материальной культуры населения Прикамья эпохи раннего средневековья (конец VI – первая половина IX вв.). Необходимо отметить, что в данном случае под термином восточная торовтика подразумеваются археологические находки, изготовленные из металла, обнаруженные в археологических памятниках (в составе кладов и могильниках) на территории Прикамья и Приуралья – это, прежде всего, восточная посуда и металлические украшения костюма. Как известно, для исторической интерпретации и анализа археологический источник можно использовать только тогда, когда он хронологически и географически атрибутирован, как минимум, зафиксирован визуально и детально описан. В настоящее время вопросы о географической и хронологической атрибуции восточной посуды можно считать решенным. Им было посвящено немало работ, и их затрагивали в своих трудах практически все исследователи, кто так или иначе изучали изделия восточных мастеров [4; 9; 11; 12]. То же самое можно сказать и о металлических украшениях костюма (в частности, поясов) раннесредневековых кочевников Евразии. В настоящее время они имеют достаточно точно датированы, классифицированы и типологизированы [1; 2; 8].

Появление и массовое распространение восточной посуды в Прикамье и Приуралье напрямую связано с появлением здесь новых археологических культур и изменением этнокультурной карты региона. Последнее подразумевает появление в регионе нового населения, в материальной культуре которого присутствуют (а точнее – преобладают) заведомо заимствованные элементы: посуда восточного происхождения, украшения и поясная гарнитура.

В данном контексте проблема культурных и военно-политических связей прикамско-приуральского населения с южными цивилизациями Евразии эпохи средневековья становится первостепенной. Обусловлено это тем обстоятельством, что ни восточная (сасанидская и византийская) парадная посуда, ни поясные наборы «геральдических» и тюркских типов не являлись предметом торговли. Поскольку, во-первых, сасанидские сосуды находились в сфере официального, прокламативного искусства, в сюжетах которой отражались наиболее важные политические и идеологические особенности сасанидского государства, а потому выступали, как правило, в качестве дипломатических даров. Во-вторых, для кочевника наборный пояс представлял собой *регалию*, торговать которой для кочевнического менталитета было просто невыносимо по определению [5: 73].

Сейчас уже достаточно четко установлена синхронность динамики «моды» на пояса на обширных пространствах Евразии с изменениями в области декоративно-прикладного искусства Переднего Востока и Средней Азии во второй половине I тыс. н.э. Это позволяет

предполагать связь этих процессов с военно-политической историей на всем евразийском пространстве.

Статистика известных на территории Южного Приуралья и Прикамья находок восточных сосудов (нами учтено 115 экз.) показывает, что чуть более 25% из них – сасанидские сосуды III-VII вв.; 14,8% – византийские сосуды VI-VII вв.; 12% – хорасанские сосуды конца VII – первой половины VIII вв.; 34% – сосуды с той же территории, но уже VIII – первой половины IX вв.; 8% – хорезмийские сосуды IV – VIII вв. В общем, это вполне представительная выборка, аутентично отражающая динамику поступления образцов восточной посуды в регион. Здесь, конечно же, обращает на себя внимание синхронность сасанидских и византийских сосудов, объясняющаяся военно-политической обстановкой в переднеазиатском регионе накануне арабского завоевания, а именно противостоянием Ирана и Византии и причастности к этому процессу кочевых племен, в частности, тюрков.

Затем – количественное преобладание хорасанских сосудов VIII – первой половины IX вв., которое может быть объяснено арабским завоеванием сасанидской Персии, одновременным усилением Западного Тюркского каганата и приходом в Приуралье носителей караякуповской культуры – угров-мадьяр [6].

Характерным признаком материальной культуры населения Прикамья и Приуралья второй половины I тыс. н.э. является поясная гарнитура «геральдического», а затем «тюркского» типов. Поскольку типология прикамско-приуральской поясной гарнитуры рассматриваемого периода показывает, что она развивалась в русле общеевразийской моды, вполне резонно будет предположить, что какая-то часть ее была привозной. В настоящее время достаточно сложно проследить, какие металлические элементы из поясного набора (пряжки, накладки, наконечники) являются привозными, а какие – их местными репликами. Однако на основе изучения и типологического анализа указанных артефактов мы можем проследить направление связей с основными центрами, откуда черпалась сама идея украшений, а, возможно, и они сами.

В конце VI – первой половине VIII вв. пояса с геральдическими украшениями были распространены на протяжении всей Евразийской степи. Так, элементы геральдики известны в погребениях западно-сибирских угров (памятники потчевашской культуры конца VI-VII вв.; релкинской культуры (VII – начало VIII вв.)) и алтайских тюрков (кудыргинский период). Но находки их не многочисленны. Материалы кушнаренковских памятников показывают широкое разнообразие типов и вариантов геральдики, распространенной на всем этом пространстве. Анализ наиболее часто встречающихся в кушнаренковских погребениях предметов материальной культуры, показывает ее синкретичный характер, поскольку здесь встречаются материалы, имеющие аналогии в памятниках как юго-западных, так и юго-

восточных районах. Аналоги деталей геральдической поясной гарнитуры известны среди аварских древностей Юго-Восточной Европы, болгарских материалов Крыма и Прикубанья, аланских материалов Северного Кавказа. На наш взгляд, наибольшее сходство обнаруживается между кушнаренковской геральдикой и геральдикой, характерной для памятников джетыясарской культуры Приаралья. Можно отметить, что материальная культура угров-кушнаренковцев формировалась под влиянием восточно-европейского, кавказского и крымского культурных импульсов, при доминирующем влиянии со стороны джетыясарской культуры Приаралья.

С учетом того обстоятельства, что следов собственной массовой металлообработки у «кушнаренковцев» пока не обнаружено, можно предположить, что относящиеся к ним образцы «геральдической» гарнитуры являются «дальним импортом». Еще одно предположение: носители кушнаренковской культуры в Приуралье характеризуются подвижным образом жизни, в связи с чем можно предположить, что в Урало-Поволжском регионе в конце VI – VII вв. именно они являлись проводниками евразийской моды на геральдические пояса. Т.о., основываясь на сходстве поясных украшений, известных в памятниках джетыясарской и кушнаренковской культур, можно говорить о том, что основной культурный импульс в Южное Приуралье и Прикамье шел так же со стороны Средней Азии.

Конец VII – IX вв. – это время деменковской (конец VII – VIII вв.) и урьинской (конец VIII – IX вв.) стадий ломоватовской культуры; неволинской (конец VII – VIII вв.) и сухоложской (конец VIII – IX вв.) стадий неволинской культуры. Приблизительно в середине – второй половине VIII вв. в Южном Приуралье происходит смена кушнаренковской культуры караякуповской. В это же время во всем регионе меняется и общий облик материальной культуры. Применительно к термину «материальная культура» можно говорить о смене геральдических поясов «тюркскими» и «неволинскими» поясами (последние – местный, прикамский вариант). Ассортимент металлических элементов на них имеет четкую половую направленность: неволинские пояса происходят из женских погребений, тюркские – из мужских [2]. Напротив, в памятниках караякуповской культуры Южного Приуралья наборные пояса тюркских форм, согласно реконструкции Н.А. Мажитова, характерны для женских погребений. Состав предметов в Ямаши-Тауских, Хусаиновских, Бекешевских и др. курганах караякуповской культуры; Неволинском, Бродовском и др. могильниках неволинской культуры; Деменковском, Агафоновском, Аверинском и др. могильниках ломоватовской культуры; Поломском I и Варнинском могильниках полемско-чепецкой культуры отражает достаточно сильное тюрко-сибирское и азиатское влияние, которое проявилось здесь в распространении тюркских наборных поясов,

и близких к ним согдийских. Кроме того, азиатское влияние прослеживается и в принадлежностях конского снаряжения, и, конечно же, в массовом поступлении именно в этот период времени среднеазиатских (согдийских, хорезмийских и пр. сосудов) и, вероятнее всего, сасанидских сосудов с согдийскими надписями VII – VIII вв.

В целом, можно определенно говорить о том, что морфологический облик материальной культуры населения Южного Приуралья и Прикамья во второй половине I тыс. н.э. формировался (если не целиком, то в значительной степени) за счет массового поступления в регион предметов, которые современные исследователи определяют как «дальний импорт» [3]. Время (не ранее VII в. н.э.) и пути поступления образцов «дальнего импорта» в регион установлены достаточно определенно [3; 10; 13; 14]. Что касается обстоятельств и факторов, обусловивших этот процесс, то здесь можно выделить несколько основных моментов. Первый – политика первых Сасанидов по отношению к эфталитам, установившим свое господство в Средней Азии в первой половине I тыс. н.э. Политика это выражалась как в выплате дани, так и в «покупке» шаханшахами эфталитской лояльности путем передачи им большого количества престижного товара, в том числе серебряных монет и посуды. Это привело к скоплению на среднеазиатских территориях большого количества сасанидского серебра. Вполне логично предположить, что подконтрольные эфталитам согдийские и хорезмийские торговцы могли поставлять сасанидскую торевтику и монеты населению Западной Сибири в обмен на пушнину, которая пользовалась большой популярностью у среднеазиатских правителей.

Второй – после разгрома эфталитов в систему политических и экономических отношений Византии, сасанидского Ирана и Китая включается Тюркский каганат, образовавшийся в конце 60-х гг. VI в. К этому времени тюрки овладели значительной частью Средней Азии, включая районы Семиречья, Приаралья и территории вдоль р. Сырдарья. Возможно, тогда же сюзеренитет тюркского кагана признал и Хорезм [7: 18]. В 558 г. тюрки покорили Поволжье и Приуралье. Первоначально между Тюркским каганатом и Персидским государством устанавливаются союзнические отношения, и они вместе действуют против эфталитов. Однако после разгрома эфталитского государства между недавними союзниками начинаются раздоры из-за раздела эфталитского наследства, которые вскоре переросли в открытый конфликт. Причины его носили экономический характер. Со второй половины VI в. тюрки становятся активными участниками Ирано-Византийских войн за обладание Великим шелковым путем. В своей политике в отношении Ирана и Византии тюрки использовали разные методы, как мирные дипломатические переговоры и посольства, сопровождавшиеся обменом даров, так и прямые военные столкновения на стороне той или иной державы. Что, по аналогии с предшествующими

временами, также способствовало накоплению и сасанидского, и византийского серебра в виде монет и торевтики в руках теперь уже тюркской знати. Последняя, со своей стороны, очевидно, контролировала угорские и самодийские племена юга Западной Сибири, передавая и им часть захваченной добычи. С распадом в 603 г. Первого Тюркского каганата, из-под его власти освободилось большое количество кочевых племен на территории Евразийской степи – хазары, аланы, утигуры и пр. Распрями 581-593 гг. в тюркском каганате воспользовались и включенные в его систему племена Западной Сибири, которые откочевали в южноуральскую лесостепь – на территорию современного Башкортостана, оставившие впоследствии памятники кушнаренковского типа. Находясь в зависимости от тюркских каганов, племена Зауралья и юга Западной Сибири были втянуты в систему ирано-византийских отношений и вместе с тюрками являлись постоянными участниками войн с Ираном, во время которых познакомились с образцами торевтики. Кроме того, именно в период экспансии Тюркского каганата, когда велись активные войны в Крыму и на Кавказе и тюрки распространили свою власть на северокавказские территории, геральдическая поясная гарнитура распространяется на обширном пространстве – от Восточной Европы, Крыма и Кавказа до Средней Азии и Алтая.

Третий – завоевание арабами в середине VIII в. Средней Азии и одновременно – распад Второго (Тюркешского) каганата открыл согдийским и хорезмийским купцам торговый путь на север: арабы стремились избавиться от «идеологически чуждого» исламу сасанидского серебра, а тюрки уже не контролировали степные торговые пути. Поэтому количественное преобладание в Прикамье и Приуралье восточной торевтики VIII – первой половины IX вв. вполне логично и объяснимо.

Список литературы

1. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V – VII вв. – М.: Изд-во «Наука», 1989 – 134 с., илл.
2. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с., ил.
3. Голдина Р.Д. Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УРО РАН. – Вып. 2(10). – Сыктывкар, 2012. – С. 108-119.
4. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Издательство «Наука», 1976. – 198 с.

5. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1990. – 164 с.
6. Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе / В.А. Иванов. – Уфа: Изд-во «Гилем», 1999. – 123 с.
7. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Изд-во «Фарн», 1994. – 163 с. с илл.
8. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки // Свод археологических источников. Вып. Е1-2. – М.: Наука, 1979.
9. Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по истории восточной торевтики. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. – 191 с. с илл.
10. Морозов В.Ю. Пути проникновения Сасанидских монет и художественного изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара: Изд-во «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 1996. – С. 148-164.
11. Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб, 1909. – 19 с., СXXX табл.
12. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание государственного Эрмитажа. – М.: «Искусство», 1987. – 155 с.: иллюстрации.
13. Чичко Т.В. Пути и перевалочные пункты проникновения восточного импорта на территорию Южного Урала и Прикамья в эпоху раннего средневековья // Проблемы поиска и изучения древних городов на Южном Урале: Сб-к научных статей. – Уфа, БГПУ, 2013. – С. 44-50.
14. Chichko T.V., Ivanov V.A. The Localization of the Finds of the Sasanian Artistic Ware in the Ethnocultural Map of the Urals and the Kama Region in the Second Half of the First Millennium A.D. // FOLIA ARCHAEOLOGICA LV. 2011–2013. – BUDAPEST, 2012. – P. 179-192.

Рецензенты:

Иванов В.А., д.и.н., профессор, заведующий кафедрой Всеобщей истории и культурного наследия ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет им. М. Акмуллы», г.Уфа.
Обыденнова Г.Т., д.и.н., профессор, директор Института исторического и правового образования ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет им. М. Акмуллы», г.Уфа.